

Л. С. Ильинская

## ФИНИКИЙЦЫ В СИЦИЛИИ

**Ф**иникийское присутствие в Сицилии относится к числу проблем, в решении которых прослеживается весь диапазон мнений — от признания финикийцев первым народом, принесшим местному населению достижения более развитой культуры, до полного отрицания их пребывания на острове.

Основу для рассмотрения этой проблемы составляет античная традиция, сведения для которой характеризуются исключительной лаконичностью. Согласно Фукидиду (VI, 2, 6), «финикийцы обитали по побережью всей Сицилии, захватив мысы и прилегающие островки для торговли с сикулами». Фукидид, таким образом, ничего не говорит о времени появления финикийцев на острове, но его указание на торговлю с сикулами, а не с сиканами позволяет отнести начальную дату финикийской колонизации к промежутку между вторжением сикулов на остров (по Фукидиду — ок. 1050 г. до н. э.) и временем появления первых греческих колонистов. Фукидид не называет типа финикийских поселений, и поэтому нет оснований говорить о финикийских факториях<sup>1</sup>.

Продолжая рассказ о финикийцах в Сицилии, Фукидид сообщает: «Когда же эллины стали в большом количестве приплывать по морю, они (финикийцы. — Л. И.), оставив большую часть острова, обосновались, объединившись, в Мотии, Солунте и Панорме, близ элимов, уповав на союз с ними» (VI, 2, 6). Отсюда следует, что Фукидид представлял себе перемещение финикийцев из мест первоначального заселения как совершившееся не сразу после появления греков на острове, но лишь тогда, когда оно начало приобретать массовый характер. Что касается характера взаимоотношений финикийцев и греков, то можно согласиться с мнением В. Тузы, который полагает, что глагол ἐκλείπω выражает добровольное оставление финикийцами Восточной Сицилии и не дает оснований говорить о вооруженном их оттеснении греками<sup>2</sup>. Ясно также, что в представлении Фукидида финикийцы до переселения их в Мотию, Солунт и Панорм не составляли компактной массы: иначе было бы неоправданным употребление причастия ἐνοικήσαντες, предполагающего, что до этого они были рассеяны. И наконец, информация о том, что они положились на союз с элимами (а не заключили его), предполагает наличие союза с элимами до отхода финикийцев в Западную Сицилию.

Если Фукидид в соответствии с задачами своего экскурса в историю Сицилии, предшествующую афинской экспедиции, лишь касается пребы-

<sup>1</sup> Предложенный Г. А. Стратановским (в кн.: *Фукидид. История.* Л., 1981, с. 263) перевод *φιορ* как «основали фактории» — это уже современная интерпретация текста.

<sup>2</sup> *Tusa V. La presenza fenicio-punica in Sicilia.* — In: *Phoenizier in Westen.* Mainz am Rhein, 1982 (далее — PhW), S. 96.

вания финикийцев на острове, то Диодор рассматривает их присутствие на острове в связи с распространением по всему Западнему Средиземноморью. Сообщая о богатстве Иберии серебром и непонимании иберами ценности этого металла, Диодор (V, 35, 3—5) рассказывает о проникновении туда финикийцев и приобретении ими такого количества серебра, что, не имея возможности уместить его на корабле, финикийские торговцы вколачивали часть драгоценного металла в грузила якорей<sup>3</sup>. И именно с этой постоянно извлекаемой выгодой, которую получали финикийцы от перепродажи иберийского серебра в Элладе, Азии и среди других народов, связывает Диодор поток западной финикийской колонизации: «И вследствие того, что в течение многих лет благодаря торговле такого рода финикийцы получали большой доход, они вывели колонии, одни в Сицилию и на прилегающие к ней острова, другие — в Ливию, Сардинию и Иберию» (V, 35, 5).

Обращает на себя внимание то, что Диодор выделяет колонизацию Сицилии и прилегающих к ней островков в особую часть финикийской колонизации — отдельный поток, связанный с колонизацией Ливии, Сардинии и Иберии лишь общей причиной. Сообщение Диодора о колонизации финикийцами прилегающих к Сицилии островов согласуется с рассказом Фукидида о финикийцах, заселивших вокруг всей Сицилии мысы и прилегающие островки. При этом Диодор имеет в виду такие острова, как Ортигия или остров, занятый Мотией, которые Фукидид определяет более точно как *νῆσιδες*. О финикийской колонизации островов, лежащих между Сицилией и Ливией (Пентеллерии, Мальта, Гаудо), Диодор говорит особо (V, 12).

У Диодора нет указаний на время финикийской колонизации (даже косвенных, как у Фукидида), и здесь можно исходить лишь из датировки других авторов — не упоминавших финикийцев в связи с Сицилией, но относящих начало финикийской колонизации ко времени после Троянской войны, что, таким образом, совпадает с хронологией Фукидида. Античные авторы с полной определенностью датируют основание финикийских колоний на Западе протомикенской эпохой — временем гибели Трои или вскоре после того. Полемизируя с Эратосфеном, утверждавшим, что в древности никто не отваживался плавать вдоль берегов Ливии, Страбон напоминает о господстве Миноса на морях и о плаваниях финикийцев, «которые и проплыли за Столпы Геракла и основали города и там, и вдоль средней части побережья Ливии вскоре после Троянской войны» (I, 3, 2).

По свидетельству Помпония Мелы (III, 46), гадитанские жрецы датировали основание своего города временем гибели Трои. Согласно Веллею Патеркулу, дающему наиболее точные указания в отношении времени доклассических колонизаций, Гадес был основан моряками Тира через 80 лет после падения Трои (I, 2, 5), а некоторое время спустя после основания Гадеса возникла Утика (I, 2, 1). По Псевдо-Аристотелю, ссылающемуся на письменные финикийские источники, Утика была основана в Ливии, между мысами Гермеем и Конским, на 287 лет раньше Карфагена (Mirab. 134).

Кроме Диодора, имевшего, как мы видим, весьма расплывчатые сведения о финикийцах в Сицилии, ни один из греческих историков, писавших

<sup>3</sup> Эта деталь приводится также и Псевдо-Аристотелем (Mirab. 135). Г. Фласхар предположительно считает источником 135 главы «Мирабилей» историю Тимея (In: Aristoteles. Werke, Bd. 18, Teil II, p. 139). По-видимому, это справедливо в отношении всего отрывка. Тогда речь идет о понимании финикийской колонизации Тимеем, использующим и более ранние сицилийские источники.

после Фукидида, не сообщает о пребывании этого народа на острове <sup>4</sup>. Подобная лакуна, однако, легко объяснима ожесточенной борьбой между греками и карфагенянами в период расцвета сицилийской историографии. Сицилийские историки Филист и Тимей, можно думать, умышленно опускали сведения о более древней, чем греческая, финикийской колонизации острова, даже финикийские реликты интерпретируя в плане раннего греческого проникновения на остров. В этой связи особенно интересно содержащееся в Псевдо-Аристотелевых «Мирабилиях» замечание по поводу названия острова Финикусса, входящего в архипелаг примыкающих к Сицилии Эолийских островов. Автор, оспаривая мнение Каллисфена о связи названия острова с финикийцами, приплывшими с берегов Сирии, утверждает, что остров был назван по росшим там финиковым пальмам (Migab. 132). Если согласиться с Г. Фласхаром, что 132-я глава «Мирабилий» восходит к Тимею <sup>5</sup>, становится понятным, что речь идет о сознательной борьбе сицилийского историка против мнения о финикийском присутствии близ Сицилии <sup>6</sup>.

Вплоть до конца XIX в. не только не возникало сомнения в справедливости сведений Фукидида о финикийцах как предшественниках греков в Сицилии, но считалось бесспорным широкое распространение финикийцев по всему Средиземноморью. В финикийцах видели предприимчивых торговцев, изобретателей алфавита, учителей греков в астрономии, математике, географии и других науках <sup>7</sup>. Эти взгляды довел до логического завершения А. Моверс в монументальной работе «Финикийцы» <sup>8</sup>. Он рассматривал Сицилию как «одно из древнейших колониальных владений финикийцев» и стремился обосновать этот тезис не только ссылками на античных авторов, но и с помощью сицилийской топонимики, которую он истолковывал на семитической основе, и анализа преданий о господстве на острове Кроноса и пребывании там Геракла и Иолая.

Уже Ф. Ф. Соколов подверг резкой критике попытку А. Моверса рассматривать догреческое прошлое с помощью одного «финикийского ключа» и указал на непригодность «мистико-символического метода» Моверса, превратившего сикано-сикую-элимскую Сицилию в Сицилию финикийскую с вкраплениями сиканов, сикюлов и элимов <sup>9</sup>. Ф. Ф. Соколов утверждал, что ни один из внутренних городов Сицилии не может быть признан финикийским поселением, а из прибрежных городов следует говорить лишь о пяти финикийских центрах.

Автор самой фундаментальной работы по истории Сицилии Ад. Гольм, напротив, в оценке финикийской колонизации Сицилии пошел за Моверсом, признав, что Сицилия была покрыта финикийскими колониями, предшествующими греческим. Так же как и Моверс, он приписал большей части сицилийских топонимов финикийское происхождение, хотя несколько

<sup>4</sup> Исключение составляет сообщение Зенобия, греческого софиста и филолога времени Адриана, о торговых сношениях пунийцев с греками Гелы в VII в. до н. э. (Zenob., I, 54). Он мог располагать источником, не зависимым от Филлиста и Тимея.

<sup>5</sup> Flashar. Op. cit., S. 137.

<sup>6</sup> Только связью с этой полемикой можно объяснить, почему и Страбон, вспоминая о финикийских плаваниях на Запад, утверждает, что известно о них по слухам (I, 3,2).

<sup>7</sup> Rochette R. Histoire critique de l'établissement des colonies grecques. P., 1815, p. 132 suiv.

<sup>8</sup> Movers F. Phönizier. V. II. B., 1850, S. 319 ff.

<sup>9</sup> Соколов Ф. Ф. Критические исследования, относящиеся к древнейшей Сицилии. СПб., 1865, с. 100 сл.

ограничил их число<sup>10</sup>. Вслед за Ад. Гольмом преувеличивал размах финикийской колонизации и Эд. Фримэн<sup>11</sup>.

В период распространения западноевропейского гиперкритицизма в качестве реакции на тенденцию преувеличивать роль финикийцев возникает противоположная крайность: Ю. Белоха отнес финикийцев к числу мифических народов, не имевших постоянной территории (наряду с эфиопами, ликийцами, данайцами, мишйцами), отверг греческую традицию о финикийцах как предшественниках греков, не найдя в ее пользу ни одного научного аргумента. Сведения о ранних плаваниях финикийцев на Западе он считал мифом, допуская, что финикийцы-карфагеняне появились на острове впервые в VI в. до н. э.<sup>12</sup> Также и ученик Ю. Белоха Л. Паре́ти полностью исключил финикийцев из числа древнейших обитателей Сицилии. Мотию, Панорм, Солунт, по его мнению, основали не финикийцы, а пунийцы в ходе экспансии VII в. до н. э., одновременно с основанием колоний на Мальте<sup>13</sup>.

Позиция столь авторитетных ученых не могла не оказать влияния на оценки археологического материала, даваемые первооткрывателем П. Орси. Первоначально он выделял предметы финикийского происхождения в прибрежных сиккульских поселениях и даже явно микенскую керамику считал ввезенной финикийскими торговцами<sup>14</sup>, впоследствии же полностью отказался от этого мнения и абсолютно все импортные изделия стал приписывать критянам<sup>15</sup>.

Суждение П. Орси об отсутствии в Сицилии каких-либо археологических следов пребывания финикийцев в свою очередь определило взгляды тех историков, которые были склонны всецело полагаться на археологию. Так, Э. Чачери подчеркивает, что принимает мнение тех, кто в противовес античной традиции считает появление финикийцев на острове более поздним, чем греков<sup>16</sup>.

Такую же позицию, однако применительно к Западному Средиземноморью в целом, занял Р. Карпентер. Первыми колонизаторами Запада он считал греков с острова Самоса, которым приписывал приоритет в эксплуатации рудных богатств Испании, сдвинув деятельность там финикийцев на VII в. до н. э. Что же касается сведений Фукидида о финикийской колонизации Сицилии, то они, по мнению Р. Карпентера, были чисто умозрительным выводом, основанным на контаминации сообщений Гомера о широкой финикийской торговле в Эгейде с данными позднегреческой традиции о финикийцах в западной части Сицилии<sup>17</sup>.

Такого рода эллиоцентризм, игнорирующий влияние культуры Востока и ее распространителей — финикийцев и закрывающий возможность понимания взаимодействия и взаимообогащения эллинской и финикийской культур, у Р. Карпентера в отличие от Ю. Белоха и его школы не был связан со стремлением принизить значение финикийцев вообще — Р. Карпентер исходил из того фактического материала, который находился в рас-

<sup>10</sup> Holm A. Geschichte Siciliens in Altertum. V. 1. Lpz, 1870, S. 79 ff.

<sup>11</sup> Freeman E. History of Sicily. L., 1891.

<sup>12</sup> Beloch K. J. Die Phöniker im Aegeischen Meer. — RhM, 1894, XXXIV, S. 111 ff.; *idem*. Griechische Geschichte. B. II, 2. Lpz, 1926, S. 65 ff.

<sup>13</sup> Pareti L. Studi siciliani e italiani. Firenze, 1920, p. 220.

<sup>14</sup> Orsi P. Contributi all'archeologia preellenica sicula. — BPI, 1889, XV, p. 197 sgg.; *idem*. Thapsos. Necropoli sicula. — MA, 1895, VI, p. 99 sgg.

<sup>15</sup> *Idem*. Nuovi documenti della civiltà premicenea e micenea in Italia. — Ausonia, 1906, I, p. 19 sgg.; *idem*. Le scoperte micenee in Florida. — NS, 1909, p. 374 sgg.

<sup>16</sup> Ciaceri E. Culti e miti nella storia dell'antica Sicilia. Catania, 1911, p. VII.

<sup>17</sup> Carpenter R. The Phoenicians in the West. — AJA, 1958, № 1, p. 35 ff.

поряжении науки его времени, когда еще не было бесспорных археологических данных о финикийцах на Западе до середины VIII в. до н. э. Таких археологических данных не было и для Эгеиды. Более того, раскопки, осуществленные в конце 30-х годов в Аль-Мине (побережье Сирии)<sup>18</sup>, свидетельствовали о том, что до появления финикийцев в Эгеиде эгейцы проникали в Финикию и даже основали там свой эмпорий<sup>19</sup>.

Благодаря материалам Аль-Мины мнение о том, что инициатива восстановления контактов с Восточным Средиземноморьем в «темные века» принадлежала грекам, стало едва ли не всеобщим. Даже в начале 60-х годов один из наиболее крупных знатоков «темных веков» К. Старр утверждал, что греки стремились к возобновлению контактов с Востоком, тогда как Восток в этих связях заинтересован не был<sup>20</sup>. За Старром в этом вопросе следует и Г. Ф. Полякова, также опускающая вопрос о финикийской торговле в «темные века»<sup>21</sup>.

Изменение отношения к проблемам финикийской колонизации в западном направлении, в том числе и в Сицилии, связано с рядом открытий 60-х годов. В 1963 г. в Испании, у Алмунесара (провинция Гранада) был открыт первый архаический финикийский некрополь VIII—VII вв. до н. э., известный теперь находками египетских алебастровых урн<sup>22</sup>. Годом позднее на том же средиземноморском побережье Испании близ устья Рио Велец, на холме Тосканос было раскопано финикийское поселение того же времени<sup>23</sup>. Между 1961 и 1965 гг. на островке Сан-Пантелео, где в древности находилась Мотия, возобновились раскопки, расширившие представление о финикийском городе если не самом древнем в Центральном Средиземноморье, то лучше всего сохранившемся<sup>24</sup>. В 1962 г. после случайного открытия нескольких пунических стел в Монте-Сираи (Сардиния) была обнаружена финикийская крепость VII в. до н. э., со святилищем, тофетом, жилыми кварталами, некрополем<sup>25</sup>. Из единичных, но очень важных открытий должна быть отмечена находка на дне моря близ южного

<sup>18</sup> Публикация материалов раскопок Аль-Мины см. Woolley C. L. The Excavations at Al Mina. Suedia II. — JHS, 1938, LVIII, p. 133 ff.; Robertson M. The Excavations at Al Mina. Suedia IV. The Early Greek Vases. — JHS, 1940, LX, p. 2 ff.

<sup>19</sup> Оценку Аль-Мины в свете новейших данных о финикийцах в Эгеиде см. Coldstream J. N. Greeks and Phoenicians in the Aegean. — PhW, S. 262; Согомонов А. Ю. Греческая колонизация Леванта: этнические и социокультурные контакты эпохи архаики. — ВДИ, 1985, № 4, с. 12 сл.

<sup>20</sup> Starr C. G. The Origin of Greek Civilisation. N. Y., 1961, p. 214. На тех же позициях историк остается и в более поздней работе (idem. The Economic and Social Growth of Early Greece. N. Y., 1977, p. 26).

<sup>21</sup> Полякова Г. Ф. От микенских дворцов к полису. — В кн.: Античная Греция. Т. I. М., 1983, с. 122.

<sup>22</sup> Pellicer Catalan M. Ein altpunisches Gräberfeld bei Almunecar (Granada). — MM, 1963, IV, S. 9 ff.

<sup>23</sup> Pellicer Catalan M., Niemeyer H., Schubart H. Eine altpunische Kolonie an der Mündung des Rio Velez. — Archäologische Anzeiger, 1964, S. 476—493. В последней обобщающей публикации тот же памятник назван уже «финикийским поселением» (Niemeyer H. Die phönizische Niederlassung Toscanos: eine Zwischenbilanz. — PhW, S. 185—206).

<sup>24</sup> Раскопки в Мотии осуществлялись двумя экспедициями: итальянской (Tusa V. Relazioni preliminari. — In: Mozia, I—VI, Roma, 1964—1970) и английской (Isserlin B. J. The Oxford University archaeological trials Excavations at the Phoenician site of Motia. — Atti del VII Congr. intern. di Archaeologia classica, Roma, II, 1961, p. 41—43).

<sup>25</sup> Barreca F. e collaboratori. Monte Sirai. Rapporto preliminare della Missione archeologica dell'università di Roma e della Soprintendenza alle Antichità di Cagliari. I—III. Roma, 1964—1966.

побережья Сицилии бронзовой статуэтки финикийско-сирийского бога XIII в. до н. э.<sup>26</sup>

Все эти открытия коренным образом изменили ситуацию в области изучения финикийской колонизации. К разрозненным сообщениям античных авторов прибавились археологические данные, причем не из одного, а из ряда регионов Западного Средиземноморья. Анахронизмом стали сомнения в реальности ранней финикийской колонизации на Западе. История финикийской колонизации и роль финикийцев как посредников в распространении знаний и опыта высокоразвитых культур древнего Востока стала объектом изучения римского «Центра изысканий финикийской и пунической цивилизаций» и его печатного органа «*Rivista di studi fenici*». Эта же тема находилась в центре внимания многих международных симпозиумов, проходивших в период 1967—1982 годов<sup>27</sup>. Ей посвящено много обобщающих и частных исследований<sup>28</sup>.

Все это оказало влияние на разработку проблемы финикийской колонизации Сицилии. В защиту реальности этой колонизации еще в 50-х гг. выступил Л. Бернабо Бреа, доказавший общность репертуара бронзовых изделий сицилийской культуры Кассибиле (1000—850 гг. до н. э.) с синхронными ей культурами Средиземноморья, что предполагает посредничество финикийцев, действовавших в Западном Средиземноморье до основания Карфагена<sup>29</sup>. Среди этих аналогий на первое место Л. Бернабо Бреа ставит фибулу с изгибом в виде колена и с прямоугольным шпеньком, которая в Сицилии кроме Кассибиле встречается в Дессуери, Калашибетте, Мулино делля Бадиа, Модике и Тре Канале, а на Липаре — в слое Авзония II и имеет аналогии в Финикии, на Кипре, Крите, в Южной Испании и вплоть до атлантического побережья Галлии. Опираясь на находки железных украшений и оружия в архаическом некрополе Кассибиле X—IX вв. до н. э., исследователь приходит к выводу, что начало использования железа в Сицилии и на Апеннинском полуострове следует приписать финикийцам<sup>30</sup>.

Однако решающее значение в понимании финикийской колонизации в Сицилии имели новые раскопки Мотии, давшие уже не косвенные, а прямые свидетельства финикийского присутствия на острове. Уже раскопки

<sup>26</sup> *Chiappisi S.* Il Melqart di Sciacca e la questione fenicia in Sicilia. Roma, 1961. Позднее в финикийской принадлежности статуэтки из Шиакки, идентифицированной С. Кьяппизи с Мелькартом, усомнился Т. Данбэбин, скептически отнесшийся и к другому археологическому материалу, приводимому в подтверждение ранней финикийской колонизации острова. По его мнению, Фукидидову описанию финикийских поселений соответствовали эгейские фактории и Фукидид считал финикийцев с эгейцами (*Dunbabin T.* The Greeks and Their Eastern neighbours. Westport, 1979, p. 96). Также и А. Бизи, рассматривая статуэтку из Шиакки как Ремефа сирийского типа, приписала ее микенскому проникновению на Запад: *Bisi A. M.* Fenici o micenei in Sicilia nella seconda metà del II millennio a. C. — AMCM, 1968, v. III, p. 1161 sgg.

<sup>27</sup> Материалы этих симпозиумов опубликованы в следующих изданиях: *The Role of Phoenicians in the Interaction of Mediterranean Civilisations.* Ed. Ward W. A. Beirut, 1968; *Tartessos y sus problemas.* Ed. Maluquer de Motes J. Jerez de la Frontiera, 1969; *Ricerche puniche nel Mediterraneo Centrale.* Ed. Moscatti S. Roma, 1971; *Phoenizier im Westen.* Hrg. Niemeyer H. G. Mainz am Rhein, 1982.

<sup>28</sup> *Harden D.* The Phoenicians. Harmondsworth, 1971; *Parrot A., Chéhab M., Moscatti S.* Les Phéniciens. P., 1975; *Moscatti S.* Il Mondo dei Fenici. Milano, 1979; *Tusa V.* Testimonianze fenicio-puniche in Sicilia. — Kokalos, 1964—1965, X—XI, p. 589—602. Библиография работ о финикийцах в «*Rivista di studi fenici*» собрана Э. Акуаро, а также в книге С. Москати.

<sup>29</sup> *Bernabo Brea L.* Sicilia prima dei Greci. Milano, 1958, p. 156 sgg.

<sup>30</sup> *Idem.* Leggenda e archeologia nella protostoria siciliana. — Kokalos, 1964—1965, X—XI, p. 23.

Дж. Уайтейкера в 20-х годах нашего столетия выявили следы примитивного поселения, перекрытого финикийским некрополем VIII в. до н. э.<sup>31</sup> Б. Паче, свидетель этих раскопок, пришел к выводу, что колонизация Сицилии финикийцами осуществлялась уже в VIII в. до н. э. Но он не допускал, что она могла идти с сирийского побережья, а полагал, что следует говорить о распространении ее из Ливии, колонизованной теми же финикийцами несколько ранее<sup>32</sup>.

Новые раскопки в Мотии выявили на части ее территории город со стенами, воротами, зданиями и храм с обширным тофетом за городской чертой. Возникновение города в собственном смысле, построенного по типично финикийскому плану, датируется VII в. до н. э., но уже в VIII в. на месте будущего города находилась торговая фактория, археологически представляющая материал нескольких типично финикийских захоронений<sup>33</sup>. Исследование городской планировки показало наличие близких аналогий с Китионом, а строения южных ворот Мотии по планировке близки к остаткам здания в финикийском поселении холма Тосканос на средиземноморском побережье Испании. И наконец, планировка храма Мотии имеет прототип в планировке храма Астарты в Китионе<sup>34</sup>.

Таким образом, нет никаких оснований говорить о какой-то особой близости Мотии и Карфагена и тем самым о колонизации, идущей из Карфагена. Мотия как город — типичный продукт финикийской колонизации в целом. Появление его на прилегающем к Сицилии с запада островке синхронно появлению первых греческих колоний в Восточной Сицилии и, следовательно, предшествует периоду карфагенского проникновения на остров, которое падает на VI в. до н. э.

Новый свет на пребывание финикийцев в Сицилии проливает изучение аттических амфор для масла с торговыми клеймами *σοσ*<sup>35</sup>. Эти сосуды находят также на побережье современного Марокко, на побережье Испании в слоях VIII—VII вв. до н. э., когда туда плавали одни финикийцы: ведь первый греческий корабль, отнесенный бурей к Геракловым Столпам, попал в неизвестный до того грекам Тартесс около 660 г. до н. э. (Herod., IV, 152), а первая греческая колония на Западе, Массалия, которая могла бы соперничать с финикийцами, была основана в 600 г. до н. э. (FHG, I, Tim., fr. 40; Sol. II, 52). Поэтому аттические амфоры для масла, датируемые VII в. до н. э. и имеющие клеймо *σοσ*, также и для Сицилии могут рассматриваться как амфоры, купленные у греков, но доставленные вместе с маслом, в Сицилию финикийскими торговцами, ибо сами афиняне в ту эпоху с Сицилией еще не торговали. Использование греческой тары увеличивало торговый оборот финикийских кораблей, которые, как показывают археологические находки, везли в Эгеиду ценные финикийские сосуды и украшения финикийского или египетского производства. Дальнейший путь на Запад они могли продолжать, подняв на борт амфоры, наполненные маслом, предназначенные в основном для обмена на испанское серебро.

Весьма существенны для понимания финикийского проникновения в Сицилию недавние раскопки на островке Питекусса (Искья) в Неаполитанском заливе, где найдено греческое поселение, известное античной тради-

<sup>31</sup> Whitaker J. I. Motya a Phoenician Colony in Sicily. L., 1921.

<sup>32</sup> Pace B. Arte e civiltà della Sicilia antica. V. I. Milano, 1935, p. 216.

<sup>33</sup> Isserlin B. S. J. Motya: urban features.— PhW, S. 115 ff.

<sup>34</sup> Ibid., S. 124.

<sup>35</sup> Shefton B. B. Greeks and Greek Imports in the South of the Iberian Peninsula. The Archaeological Evidens.— PhW, S. 337 ff.

ции как древнейшее (Strabo, V, 4, 4; 9). Полной неожиданностью оказалось то, что среди греческих колонистов в VIII в. до н. э. жили и финикийцы, как стало ясно из типично финикийских захоронений и финикийских надписей, обнаруженных наряду с архаическими греческими<sup>36</sup>.

Обитание финикийцев среди греков Питекуссы не является исключением. Н. Колдстрим привел археологические свидетельства пребывания финикийских торговцев в «темные века» в ряде пунктов Эгейды. Типичные финикийские изделия, иногда с финикийскими надписями, были обнаружены в некрополях Скумбрис, Тумба, Палья, Периволия на о-ве Эвбее, в некрополях Крита к северу от Кносса, в некрополе Серальо на о-ве Кос. Все эти предметы древнее греческого эмпория Аль-Мины на 150—100 лет, и, таким образом, финикийское присутствие в Эгейде фиксируется раньше, чем эгейцы обосновались на сиро-финикийском побережье. Помимо этого, в греческом археологическом контексте обнаружен ряд предметов финикийского импорта, относящихся к середине IX в. до н. э., т. е. современных Аль-Мине. Среди них наиболее интересны сиро-финикийский бронзовый кувшин из могилы № 42 афинского некрополя Керамика, огромное количество фаянсовых бус из двух богатых женских погребений Ареопата, а также найденные в эвбейских погребениях середины IX в. типичные предметы финикийского импорта — фаянсовые фигурки Исиды, кормящей младенца Гора, Пта-Осириса, стеатитовая печать в форме лежащего льва, фаянсовый скарабей с псевдоиероглифическими знаками<sup>37</sup>.

Весьма примечательна сама длительность торговых контактов финикийцев с эвбейцами, которые были наиболее активны в заморской торговле и выводе колонистов: эвбейским было первоначальное ядро греческих поселенцев в Аль-Мине и ряде поселений к югу от нее, выявленных последними археологическими работами<sup>38</sup>, эвбейской была древнейшая из западных греческих колоний — Питекусса, где финикийцы жили среди греков, подобно тому как греки Аль-Мины жили в среде сиро-финикийского населения.

Все эти данные позволяют поставить вопрос о характере финикийского присутствия в Сицилии до появления там в VIII в. до н. э. сначала поселения, затем города Мотли. Сообщение Фукидида об обитании финикийцев на побережье Сицилии не дает оснований для вывода о наличии до VIII в. до н. э. финикийских колоний в какой бы то ни было части Сицилии. Очевидно, финикийцы жили в поселениях местного населения в качестве ремесленников и торговцев, подобно тому как они жили среди греческого населения Питекуссы. Лишь появление в Восточной Сицилии множества греческих колоний заставило финикийцев переселиться на запад острова, образовав там компактные поселения, возможно, на тех же местах, где первоначально находились их незначительные группы среди союзного элимского населения.

Таким образом, сведения Фукидида о финикийцах в Сицилии в полной мере подтверждаются как археологическими данными о проживании финикийцев в начале освоения ими острова в нефиникийских поселениях (на примере греческой Питекуссы), так и данными о финикийской колонизации в других районах Средиземноморья. В то же время в проблеме фини-

<sup>36</sup> Buchner G. Die Beziehungen zwischen der euböischen Kolonie Pithekoussai auf der Insel Ischia und dem nordwestsemitischen Mittelmeerraum in der zweiten Hälfte des 8 Jhs v. Ch. — PhW, S. 290 ff.

<sup>37</sup> Coldstream. Greeks and Phoenicians..., p. 262 ff.

<sup>38</sup> Riis P. J. Griechen in Phönizien. — PhW, S. 239 ff.

кийской колонизации Запада продолжает оставаться немало спорного и неясного.

Первую фазу финикийской колонизации Запада С. Москати документирует находками в Центральном Средиземноморье, относя начало финикийской экспансии к концу II тыс. до н. э. Опираясь на археологические данные, С. Москати приходит к выводу, что финикийские мореходы плыли в Иберию вдоль побережья Ливии. От этого главного пути в районе Карфагена (будущего) или несколько ближе к Египту отходил отрезок пути, ведущий через острова Пентеллерию и Мальту в Сицилию и имевший продолжение в маршруте через Сардинию и Балеарские острова<sup>39</sup>. В отличие от С. Москати К. Пикар считает, что финикийские корабли из Тира проходили через Кипр вдоль южного побережья Малой Азии через Грецию мимо южного берега Италии и восточного побережья Сицилии в обход Мессинского пролива. В Сицилии путь раздваивался. Один маршрут шел на юг и пролегал вдоль северного побережья Ливии, другой, северный, проходил мимо Сардинии к южному побережью Галлии и далее к Балеарским островам и Иберии<sup>40</sup>.

В. Туза в статье, посвященной финикийско-пунийскому присутствию в Сицилии, так же как и С. Москати, четко отделяет финикийскую колонизацию Сицилии как более раннюю от более поздней, карфагенской, считая водоразделом между ними VI в. до н. э. Рассматривая памятники искусства Мотии, он приходит к выводу, что оно по многим своим показателям ближе к искусству собственно Финикии, чем Карфагена, что документирует раннюю финикийскую колонизацию острова<sup>41</sup>.

Наряду с литературными и археологическими данными современные исследователи вновь начали использовать в решении проблемы финикийской колонизации сицилийскую топонимику, хотя значение ее как источника было в свое время скомпрометировано трудами Ф. Моверса и его последователей, доведших поиск финикийских параллелей до абсурда.

У. Шмолль, отказываясь от этимологических натяжек, обращается к тем из сицилийских топонимов, финикийское происхождение которых твердо удостоверено фактом реального обитания финикийцев в соответствии с литературной традицией или археологическими данными, а также финикийской лексикой, даже если финикийские названия переведены — как в случаях Финикусы (от \*I-t-mr — Пальмовый остров) или Кефаледии — на греческий язык и в этом переводе сохранили свои прежние названия и после вытеснения финикийского населения греческим<sup>42</sup>.

После того как за последние два десятилетия в Западной Сицилии и на прилегающем к ней островке Сан-Пантелео и островах, лежащих между Сицилией и Ливией, были обнаружены следы обитания финикийцев с VIII в. до н. э., становится ясно, что в Западной Сицилии финикийская колонизация, не совпадающая с более поздней, пунийской, предшествовала также и греческой. В Восточной Сицилии прямых следов пребывания финикийцев (в виде остатков зданий или некрополей) не обнаружено и можно говорить лишь о косвенных, к тому же далеко не однозначно интерпретируемых данных, извлекаемых из материалов культуры Касси-

<sup>39</sup> Moscati S. L'Espansione fenicia nel Mediterraneo occidentale.— PhW, S. 51—52.

<sup>40</sup> Picard C. Les navigations de Carthage vers l'Ouest.— PhW, S. 167—174.

<sup>41</sup> Tusa. La presenza..., p. 95—112.

<sup>42</sup> Schmoll U. Die vorgriechischen Sprachen Siziliens. Wiesbaden, 1958, S. 49 ff.

биле<sup>43</sup>. Но подобных памятников финикийской колонизации нет также и в Ливии и Испании, где ни один предмет финикийского происхождения не относится ко времени традиционного основания Карфагена и тем более Гадеса или Утики. И все же любые попытки передвинуть основание этих городов на время более позднее, чем предлагает традиция, не находят поддержки<sup>44</sup>, ибо при решении вопроса об историчности финикийской колонизации Запада приходится учитывать всю совокупность фактов, относящихся к истории Финикии. Стоит «сдвинуть» финикийскую колонизацию Запада на одно-два столетия и сделать ее современницей начального этапа Великой греческой колонизации, как появляются трудности в интерпретации античной, библейской, древнеегипетской традиций. Оказываются непонятными сведения Гомера о торговле и пиратстве финикийцев<sup>45</sup>, сообщения Библии о таршишских кораблях<sup>46</sup>, сведения древнеегипетской традиции о нашествии «народов моря» и о путешествии Унуамона, появляются несообразности в понимании начала греческой колонизации.

Следует учитывать и данные археологии о сходстве материальной культуры регионов, отделенных друг от друга значительными водными пространствами. Поскольку нет сведений о собственном мореходстве у народов этих регионов в столь раннюю эпоху и сообщений о плаваниях греков на дальний Запад до VII в. до н. э., остается допустить, что имелся народ, который взял на себя функции связи между Восточным и Западным Средиземноморьем, и что этим народом были финикийцы.

Недавно появились данные, позволившие уяснить связь между финикийцами и нурагической культурой Сардинии, с одной стороны, а с другой — понять характер контактов финикийских колонистов Сардинии с соседними областями Западного Средиземноморья, Этрурией и Сицилией. Речь идет о новых исследованиях металлургических изделий нурагической культуры в вотивных скоплениях и складах Сардинии, выявивших те же типы бронзовых топоров, которые засвидетельствованы в Италии, Испании и на Ближнем Востоке. Ф. Ло Скьяво, датирующая эти топоры концом X — началом IX в. до н. э., видит в них указание на торговлю, соединявшую Сардинию с «оловянной дорогой», которая, начинаясь в Эгеиде, проходила через Сицилию к берегам будущей Этрурии и через Сардинию выводила к Испании и Атлантическому побережью Пиренейского полуострова, чтобы завершиться где-то на Британских островах<sup>47</sup>.

<sup>43</sup> Так, А. Бизи оспаривает мнение Л. Бернабо Бреа о принадлежности финикийской среде фибул смычкового типа, приписывая им микенское происхождение (*Bisi. Fenici e micenei...*, p. 1161 sgg.).

<sup>44</sup> Э. Форер предложил понимать Quart-hadascht не как «новый город», а как «новую столицу» и, связав необходимость перенесения столицы с разрушением Тира ассирийцами, отнес основание Карфагена к 673—663 гг. до н. э. (*Forrer E. O. Karthago wird erst 673—663. v. Chr. begründet? — In: Festschrift Dornseif. Lpz, 1953, S. 85 ff.*). Против этого мнения выступил Ж. Эргон (*Heurgon J. Rome et Méditerranée occidental. P., 1969, p. 141 suiv.*).

<sup>45</sup> *Hom.*, II. VI, 289—291; XXIII, 743—744; Od. IV, 83—84; XV, 415. Этноним Φοίνικες у Гомера связана с φοινικεύς — алый, ярко-красный и восходит к названию пурпура. Синонимом Φοίνικες у Гомера являются Σιδωνίαι (сидонцы). У последующих авторов финикийцы и их этноним Φοίνιξ ассоциируются с Тиром и тирийцами (см. *Whatthelet P. Les Phéniciens et la tradition homérique. — Studia Phoenicia, 1983, p. 235 suiv.*).

<sup>46</sup> Разбор сведений Библии и античной традиции о Таршише см. *Циркин Ю. Б. Финикийская культура в Испании. М., 1976, с. 9 сл.; он же. Высказывание Исайи (XXIII, 10) и возникновение Тартессийской державы. — В кн.: Норция. Воронеж, 1978, с. 30 сл.*

<sup>47</sup> *Lo Schiavo F. Il ripostiglio del nuraghe Flumenelongu. Sassari, 1978.*

«Оловянная дорога» была открыта микенцами, но в X—IX вв. до н. э., после падения микенской цивилизации, она была, как и другие — «серебряные», «янтарные» и прочие средиземноморские пути, унаследована финикийцами, об укреплении которых на важнейших отрезках этих путей сообщает античная традиция. К этому следует добавить бесспорно нурагическую керамику, обнаруживаемую на прилегающих к Сицилии Эолийских островах, типично нурагические клювовидные сосуды из гробниц культуры Вилланова в Ветулонии, Популонии, Вульчи, Тарквинии и множество изделий из меди и бронзы сардского типа IX в. до н. э., обнаруженных на Питекуссе<sup>48</sup>.

Все это — свидетельства финикийской активности, центром которой была Сардиния, где финикийцы жили бок о бок с носителями нурагической культуры, появившейся на острове около 1500 г. до н. э. Если еще возможно себе представить плавание к Столпам Мелькарта вдоль побережья Ливии, минуя Сицилию, то путь в Сардинию и из нее в Финикию без посещения Сицилии вообразить невозможно. Это позволяет понять рассказ Диодора о посещении Сицилии Иолоем на пути из Сардинии в Эгеиду (Diod., IV, 30, 1—5), подкрепляемый сведениями о культе Иолоя на том отрезке пути, который находился между двумя крупными островами Средиземноморья<sup>49</sup>. В Сардинии, как считали, опираясь на традицию, античные авторы, Иолай приобщил местное население к культуре и там впоследствии возник его культ<sup>50</sup>. Отсюда же единичное сведение Псевдо-Аристотеля об Иолое, сыне Ификла, как строителе нурагов (Ps.-Arist., 100)<sup>51</sup>. Культ Иолоя существовал и в Сицилии<sup>52</sup>. Согласно Диодору, местным населением почитались спутники героя, оставшиеся на острове и поселившиеся среди сиканов (VI, 30, 3). Учреждение же почестей самому Иолою приписывалось Гераклу (Diod., IV, 24, 4). Наиболее детально Диодор рассказывает об организации культа Иолоя на своей родине, в Агирии. Помимо ежегодных жертвоприношений и гимнастических игр почести состояли также и в том, что юноши Агирия с детства отпускали волосы, чтобы срезать их в дар этому герою в день совершеннолетия возле ворот, носивших название Геракловых (IV, 24, 4—6).

О том, что Иолай — не только греческий герой, мыслящийся как постоянный спутник Геракла, но и финикийское божество, яснее всего показывает материал Сардинии. Той несомненной значимости Иолоя в религиозном мире этого острова, которая вырисовывается из сообщений античных авторов, более всего соответствует место, занимаемое божеством, известным под латинским наименованием *Sardus Pater*. Осуществленные в 60-х годах раскопки храма в Антасе (внутренняя территория Сардинии) показали тождественность этого божества финикийскому Сиду, поскольку внутри храма, латинская надпись на архитраве которого содержит слова

<sup>48</sup> Ridgway D. Archaeology in Sardinia and Etruria.— Archaeological Reports vor 1979—1980, p. 59—61.

<sup>49</sup> О культе Иолоя в Этрурии см. Немировский А. И. Этруски. От мифа к истории. М., 1983, с. 50—51.

<sup>50</sup> Diod., IV, 29, 5. Согласно Страбону (V, 2, 7), Иолай поселился на острове после тирренов. Иолою приписывалось основание Ольвии, прибрежного города на северо-востоке Сардинии: Paus., X, 17, 5. Ряд авторов считает Сардинию местом смерти Иолоя: Paus., IX, 23, 4; Solin., p. 19, 1 sqq. М. О культе Иолоя — также Paus., X, 17, 5.

<sup>51</sup> Псевдо-Аристотель считает, что Иолай пришел в Сардинию вместе с Феспидами, сыновьями Геракла, в качестве поселенца (Ps.-Arist., 100).

<sup>52</sup> Б. Хид высказал предположение, что на одной из монет Агирия изображена юношеская голова Иолоя, а на другой — он в виде охотника, сопровождаемого собакой (Head B. Historia nummorum. Oxf., 1911, p. 109). Но собака в Сицилии обычно связывалась с Кринисом или Адраном.

Sardus Pater, обнаружено два десятка votивных финикийских текстов с посвящениями Сиду<sup>53</sup>. Если видеть вслед за Москати<sup>54</sup> Сиду также и в Иолое, фигурирующем наряду с Гераклом среди богов-поручителей договора Филиппа V с Ганнибалом, греческий текст которого приводит Полибий (VII, 9, 2—3), то отождествление финикийского божества с греческим героем имеет достаточно давнюю традицию.

Иолай как финикийско-карфагенское божество отчетливо прослеживается также в мифе о борьбе Геракла с Тифоном (Йамму). Миф этот, излагавшийся Эвдоксом, но дошедший до нас в переложении Афиней (IV, 392e), приписывает Иолаю возвращение к жизни Геракла, тело которого ему помогает разыскать перепел. Перепел был обычной жертвой Мелькарту у финикийцев.

Неизмеримо большие, чем Иолай, следы почитания оставил в Сицилии другой финикийский бог — Мелькарт, отождествлявшийся здесь (как и повсеместно в греческом мире) с Гераклом<sup>55</sup>. Приписываемый Гераклу путь по землям Гесперии, расцветиваемый теми или иными мифологическими подробностями, охватывает всю Италию и значительную часть Сицилии<sup>56</sup>. Во многих местах Италии и Сицилии еще в I в. до н. э., по свидетельству Дионисия Галикарнасского, показывали священные рощи, теменосы, посвященные Гераклу как божеству, и алтари в его честь не только в городах, но и на дорогах (Dion. Hal., I, 40).

Всеохватывающий маршрут, который древние приписывали Гераклу в странствиях героя по Италии и Сицилии, равно как и существование в историческое время множества теменосов и алтарей в местах, жители которых уверяли, что это реальный след посещения Гераклом их земель, не должны направлять современных исследователей на поиск древнейших следов финикийского или еще более раннего микенского присутствия во всех тех местах, на которые указывает миф. Не говоря уже о необыкновенной популярности Геракла среди греческих колонистов, порождавшей стремление связать с его подвигами территорию каждого их города, образ Геракла — один из самых многослойных мифологических образов древности, вобравший в себя множество мифологических персонажей негреческого происхождения со всеми их аксессуарами. На огромном пространстве по всему Западу, начиная от Италии и Сицилии и вплоть до Испании, включая побережье Галлии и Северной Африки, отыскиваются следы предшественников Геракла, среди которых на территории Сицилии первое место принадлежит финикийскому Мелькарту.

На основании рассказов древних авторов о Геракле, возвращающемся на Балканы с быками Гериона, еще в прошлом столетии Ф. Моверсом был сделан вывод о том, что маршрут Геракла отражает географию почитания Мелькарта на острове<sup>57</sup>. Но Ф. Моверс и его последователи слишком некритически интерпретировали почти все топонимы острова как семитиче-

<sup>53</sup> *Moscatti*. Il mondo dei Fenici, p. 273.

<sup>54</sup> *Ibid.*, p. 163.

<sup>55</sup> Об отождествлении Мелькарта с Гераклом в Эгепде см. *Циркин*. Финикийская культура..., с. 68 сл.; *Bonnet-Tzavellas C.* Le Dieu Melqart en Phénicie et dans le bassin méditerranéen.— *Studia Phoenicia*, 1983, p. 198—201.

<sup>56</sup> О сицилийском «маршруте» Геракла см. *Макушкин М. Н.* Миф о Геракле как источник по истории Северо-Западной Сицилии в догреческую эпоху. В кн.: Норция. Вып. 2. Воронеж, 1978, с. 7 сл.; Открытие финикийско-этрусской билингвы в Пирги подкрепило предположение, что и в Риме предшественником Геракла был Мелькарт: *Rebuffat M.* Les Phéniciens à Rome.— *Mélanges d'archéologie et d'histoire de l'École française de Rome*, 1966, 78, p. 7—48.

<sup>57</sup> *Movers*. Op. cit.

ские. Как финикийское заимствование понимали они и бросание в воду жертвенного животного в Сиракузах, сравнивая его с пунийским ритуалом Гамилькара, также связанным с потоплением животных в море<sup>58</sup>, хотя подобный обряд распространен у многих народов и не может быть признан специфически финикийским. Однако в отношении финикийской основы пути Геракла археологические открытия 60-х годов подтвердили правоту Ф. Моверса. Правомерность такого вывода становится очевидной при сопоставлении с более скудной античной традицией о Геракле в Испании. Тщательное исследование этой традиции (Sil. It., III, 32—44), проведенное Ю. Б. Циркиным, привело его к заключению, что за описанием подвигов Геракла, изображенных на воротах гадитанского Гераклеяона, стоят подвиги Мелькарта, имеющие параллели в деяниях восточных героев — Гильгамеша, Самсона и др.<sup>59</sup>

Вместе с тем открытие в Сицилии микенских памятников требует по возможности четкого разграничения микенского Геракла и финикийского Мелькарта, отождествленного с Гераклом. Однако пока единственным надежным критерием для подобного разграничения является географический критерий: восточная часть острова, где были обнаружены микенские памятники, может считаться преимущественно областью почитания микенского Геракла, а Западная Сицилия, где таких памятников не найдено и где имеются многочисленные топонимические, а также археологические следы финикийского присутствия, — регионом финикийского Мелькарта, что, однако, не исключает в ряде случаев слияния этих образов: в позднейшей обработке мифов греческими колонистами микенский Геракл и финикийский Мелькарт, почитавшиеся до греков в Сицилии, должны были слиться в единый образ, подобно тому как в Италии то же самое происходит в отношении этрусского Геркле.

Упоминание в рассказах о Геракле в Сицилии сиканов (Diod., IV, 23) не может служить датирующим признаком для финикийского слоя мифа, поскольку сиканы до появления сикулов и элимов заселяли весь остров. Иное дело — топонимика и ономастика элимов, присутствующая в рассказах о Геракле у Диодора (IV, 23) и Аполлодора (II, 10). Появление элимов в Западной Сицилии (согласно античной традиции, после Троянской войны) — *terminus ante quem* для датировки мифа о финикийском Мелькарте. Именно элимская среда, в которую влились, согласно Фукидиду (VI, 2, 6), финикийцы, восприняла этот миф и придала ему некоторое своеобразие. В этой же среде получил развитие миф о богине, в культе которой играла роль храмовая проституция (Diod., IV, 83, 6). Связь богини Эрика с финикийскими центрами доказывается не только прямыми упоминаниями Астарты в находимых в районе Эрика надписях III—II вв. до н. э.<sup>60</sup>, но и тем, что в дни праздника эрицинской богини в Карфаген посылался из Эрика посвященный этой богине голубь, который возвращался затем в Эрицинский храм<sup>61</sup>.

Контакты Сицилии с финикийским миром могут быть, таким образом, рассмотрены в рамках мифологических, топонимических и археологических данных. Выходцев из микенского мира, появившихся на берегах Си-

<sup>58</sup> Ibid., S. 325 ff.; Baudissin W. Studien zur semitischen Religionsgeschichte. Bd. II. Lpz, 1876, S. 156.

<sup>59</sup> Циркин. Финикийская культура..., с. 66 сл.

<sup>60</sup> О пунической надписи римского времени и votivных предметах см. Moscati. Il mondo dei Fenici, p. 244 sgg.

<sup>61</sup> Анализ *ἀναγωγή* и *καταγωγή* см. в кн.: Manni E. Sicilia pagana. Palermo, 1963, p. 80 sgg.

цилии до финикийцев, остров для выведения колоний не привлекал, поскольку не обладал интересующими их металлами, а к залежам металлов на территории Сардинии и будущей Этррурии вели пути от факторий, основанных в Южной Италии, к залежам же металлов Испании — от факторий Эолийских островов. Для финикийской же торговли, напротив, Сицилия играла роль, совершенно отличную от той, которая принадлежала ей в микенскую эпоху. Финикийцев привлекали сельскохозяйственные продукты, прежде всего оливковое масло, которое они с немалой выгодой сбывали в Испании в обмен на металл. Везти из Сицилии его было ближе и удобнее, чем из Аттики, хотя Аттика поставляла и масло, и тару, используемую также и для сицилийского масла. Аттические амфоры с меткой  $\sigma\sigma$ , о которых уже упоминалось, найденные в слоях VIII—VII вв. в Сицилии, Испании, на берегах Марокко, представляют наиболее бесспорный след финикийской торговли, промежуточным пунктом которого служила Сицилия.

### LES PHÉNICIENS EN SICILE

*L. S. Il'jinskaja*

Les informations fournies par la tradition antique sur le rôle des Phéniciens en tant que prédécesseurs des Grecs dans la colonisation de la Sicile, faute de confirmations archéologiques, ont longtemps été mises en doute, mais sont maintenant confirmées non seulement par la découverte à Motia de monuments du VII<sup>e</sup> s. av. n. è. et, dans les couches les plus profondes de la Pithecussa grecque, à côté de sépultures grecques, de sépultures et d'inscriptions phéniciennes, mais aussi par l'identité du répertoire des articles de bronze de la culture sicilienne de Cassibile (1000—850 av. n. è.) avec celui de cultures méditerranéennes de la même époque dont l'origine ou les attaches phéniciennes ne font pas l'ombre d'un doute, ainsi que par l'antiquité profonde en Sicile de cultes d'origine phénicienne (Melkart, Yolay).<sup>1</sup>

La colonisation phénicienne de la Sicile s'inscrit dans le contexte général des intérêts commerciaux phéniciens à orientation occidentale. Les Phéniciens remplissaient le vide créé par l'écroulement des royaumes mycéniens et la cessation des navigations mycéniennes vers l'ouest; aussi, encore avant que les Grecs se fussent implantés sur le littoral syrien (al-Mina, Sukas), les Phéniciens se sont-ils installés dans certaines parties de la Grèce balkanique et dans maints centres locaux de la Sicile, laquelle devint la tête de pont de leur progression en Sardaigne et en Espagne.

La Sicile a joué pour le commerce phénicien un rôle absolument différent de celui qui avaient été le sien à l'époque mycénienne. Les Phéniciens étaient attirés par les denrées agricoles, avant tout par l'huile d'olive qu'ils écoulaient en Espagne contre de l'argent (le métal). Les amphores attiques portant le timbre  $\Sigma O \Sigma$  et datant des VIII<sup>e</sup>—VII<sup>e</sup> ss. av. n. è. qu'on trouve en Sicile, en Espagne, sur les côtes du Maroc, bien que les commerçants grecs n'eussent pas encore pénétré dans ces régions, sont des vestiges du commerce phénicien qui transitait par la Sicile.